НИКОЛАЙ ОЦУП

В ДЫМУ

« PETROPOLIS »

Дорогому
Павлу Павловичу
Муратову
от искренно
преданнаго
Николая Оцупа
Roma - Napoli - Parigi
1926.

PETROPOLIS

Imprimerie de Navarre,
5, rue des Gobelins 5, Paris.

В ДЫМУ

Я с винтовкой караулю,
На вершинах снег и мгла,
Сжатый воздух гонит пулю
Из нагретого ствола.

Вспыхнет, свиснет, и долина
Зааукает в ответ.
Пыльной тучей из-за тына
Вылетел мотоциклет.

Сразу стало небывалым
Все что было. Страшный Суд.
Накрывают одеялом,
В небо медленно несут.

Дама и полковник в зале,
В зале штаба над Невой:
«Умоляю, вы узнали?
Под Вилейкой... Рядовой...»

Счет давно уже потерян.
Всюду кровь и дальний путь.
Уцелевший неуверен —
Надо руку ущипнуть.

Все тревожно. Шорох сада.
Дома спят неверным сном.
«Отворите!» Стук приклада,
Ветер, люди с фонарем.

Я не проклинаю эти
Сумасшедшие года —
Все явилось в новом свете
Для меня, и навсегда.

Мирных лет и не бывало,
Это благодушный бред.
Но бывает слишком мало
Тех —обыкновенных — бед

И они, скопившись, лавой
Ринутся из всех щелей,
Озаряя грозной славой
Тех-же маленьких людей.

1922.

Лови. Лови! и вороная в мыле.
Под деревом зевака с узелком.
В канаву человека повалили,
И кто то в лоб ударил каблуком.

Мы с детства привыкаем и не плачем —
И Шиллер, и влюбленность, и закат,
А рядом эта сволочь над лежачим —
Подумай до чего-же мир богат.

Вот и теперь — ни выстрела, ни стона,
Надолго-ли — не знаю: ночь ясна.
Поля по обе стороны вагона,
И женщина с цветами у окна.

1922.

Как скоро мир преобразили,
Как равнодушно земля летит.
Немецкий философ в автомобиле
Вчера из-за угла убит.

Нам , уцелевшим от пожара
В самой неслыханой стране,
Какое нам дело. Вздыхай, гитара, —
Почитаем стихи, зайдем ко мне.

Но если ты поверишь Энею,
Ожесточенному в морях —
Я все еще любить умею
И я вздыхаю на пирах.

Люблю подруги синие очи,
Такой подруги, которой нет.
Люблю века, они короче
Наших невыносимых лет.

Играют в карты, льют в стаканы
Забвенье и зеленый сок.
Нева, поля и крест деревянный,
А там — Берлин и пуля в висок.

1922

Канаты черные ослабь,
И дрогнет пароход,
И элегическая рябь
Чуть освещенных вод.

Прощай, прощай! до фонарей
Во всю длину реки
Отплытие от дальних дней
Провозгласят гудки.

Не уставая винт стучит,
И Сена в дальних днях,
И пушки, мирные на вид,
На желтых берегах.

А в море ржавая заря,
И, ей наперерез,
Дредноут, похожий на угря,
И грохот до небес.

За это время шар земной
Прострелен до прорех,
Переменился голос твой
И чувства — так у всех.

Куда же мы? Туда, туда,
Не замедляйте ход.
Хочу подталкивать года
И этот пароход.

1922 г.

Мы передвинулись в веках
И по земному шару,
А женщина в одних чулках
Танцует под гитару.

Здесь горько пьют. Дымятся дни,
Как перед новым боем.
Весь день работают они,
А ночи пьют запоем.

Она его не веселит
Раздетая такая,
Багровый человек сидит
И говорит икая:

« — Упала, покажите кто?
— Да нет, упала марка».
Приходят новые в пальто,
Накурено и жарко.

Уж восемь лет земля пьяна,
Тупеет понемногу,
Мы тоже выпили вина,
И пьяны, слава Богу.

И право нам легко понять,
Что так всегда на свете.
Что дети могут обвинять,
А мы уже не дети.

1922

Вот барина оставили без шубы,
«Жив, слава Богу», и побрел шажком,
Глаза слезятся, посинели губы.
Арбат и пули свист за фонарем.

Опять Монмартр кичится кабаками
— Мы победили, подивитесь нам —
И нищий немец на Курфюрстендаме
Юнцов и девок сводит по ночам.

Уже зевота заменяет вздохи,
Забыты все убитые в бою.
Но поздний яд сомнительной эпохи
Еще не тронул молодость твою.

Твой стан печальной музыки нежнее,
Темны глаза как уходящий день,
Лежит как сумрак на высокой шее
Рассеяных кудрей двойная тень.

Я полюбил как я любить умею.
Пусть вдохновение поможет мне
Сквозь этот мрак твое лицо и шею
На будущего белом полотне

Отбросить светом удесятиренным,
Чтоб ты живой осталась навсегда
Как Джиоконда. Чтобы только фоном
Казались наши мертвые года.

1923

Допили золотой крюшон,
Не тронут бутерброт,
Дурак уверовал, что он
В потомстве не умрет.

А на ладони виртуоз
Проносит в вышине
Никелированый поднос,
Слетающий ко мне.

Я молча пью. Ты не со мной,
Но ты всегда моя.
Я всюду слышу голос твой,
Далекий звон ручья.

Пускай старается румын,
Пускай вопят смычки,
И некрасивый господин
Мигает сквозь очки.

Мне все равно легко дышать
И слушать скрипачей.
Сумел я в сердце удержать
Слова любви твоей.

1923.

Печальный день летел за журавлиным клином,
Сухими листьями шуршал.
Она упала перед сыном,
Он не дышал.

Холодная рука свисает с одеяла,
И в зубы над прикушеной губой
Она его поцеловала.
— О бедный мой!

— Мать, я не потому ушел в поля блаженных,
Что выжжена земля.
Я видел сон, и в этих стенах
От солнца умер я.

Я узнаю тебя — ты, помнится, седая,
Но все, что там у вас,
И та, прекрасная и злая,
Любимая и посейчас,

И лес, и моря шум, и каменные зданья,
О, я любил ее одну,
Не стоят смерти и ее сиянья,
Похожего на тишину.

1923

Мне нечего сказать, о я не знаю сам,
Кого молить, я нем подобно тем быкам,

Которых по крови с открытыми глазами
Проводят мясники тяжелыми дверями.

Ты волосы встряхнешь, и на ветру блеснет
Освобожденный лоб, а злой и нежный рот

Все тени на лице улыбкой передвинет
И, снова омрачась, внимательно застынет.

В пронзительных глазах чернеет холодок.
И дуло светлое , толкнувшее висок,

И грохот поезда, летящего с откоса,
Решетка на окне и ночи без допроса, —

Все лучше, чем тебя, не раз назвав своей,
Вдруг увидать чужой среди чужих людей.

1923

Когда необходимой суетой
Придавлен ты, и ноша тяжела,
Не жалуйся и песен ты не пой,
Устраивай свои дела.

И разлюби: не ангела крыло
Ту женщину сияньем осенит,
Ей пригодится разве помело,
Когда она на шабаш полетит.

В снегу и скалах кипятком поток.
И сердце повернулось на восток.
Ты слышишь как я медленно стучу.
Я вырваться, я вырваться хочу.

Но я змеиной мудрости учусь —
Дрожит на ветке запоздалый лист.
Вот в перевалку, как тяжелый гусь,
По склону поднимается турист.

Синеет лес. Поток во весь опор
В долину. Лыжи свищут. Бог с тобой!
Кто родился для ветра и для гор
Спокоен будь и песни пой.

1923.

Да жил ли ты? Поэты и семья
И книги и свиданья, — слишком мало!
Вглядись — и это жизнь твоя
Мне в тормазах проскрежетало.

По склону человека на расстрел
Вели без шапки. Зеленели горы.
И полустанок подоспел
И желтой засухи просторы.

Я выучил у ржавых буферов,
Когда они Урал пересекали
Такую музыку без слов,
Которая сильней печали.

1922.

Звезды блещут в холодном покое,
По квартире гуляет луна,
Но в столовой творится такое,
От чего побледнела она:

Чье-то тело, недавно живое,
Завернули в потертый ковер.
И один замечтался, а двое
Кипятком обмывают топор.

Тот, который убил и мечтает,
Слишком молод и вежлив и тих:
Бородатый его обсчитает
При дележке на пять золотых.

1923.

В белой даче над синим заливом
Душно спать от бесчисленных роз.
Очень ясно, с двойным перерывом,
Вдалеке просвистел паровоз.

Там проходят пустыми полями,
Над которыми месяц зажжен,
Вереницы груженых дровами
И один санитарный вагон.

Слабо тянет карболкой и иодом
— Умираю, спаси, пожалей!
Но цветы под лазоревым сводом
Охраняют уснувших людей.

1923.

ЧАСЫ.

Пролетка простучала за окном,
Прошел автобус, землю сотрясая,
И часиков легчайшим шопотком
Заговорила комната ночная:

«Секундочки, минуточки лови».
— А если не хочу я, о Создатель,
Такой короткой и слепой любви! —
И пальцы повернули выключатель.

И мгла ночная показалась мне
Небытием, но в чудном мраке снова
Светились бледные, как при луне,
Черты лица, навеки дорогого.

Пройдут как волны надо мной века,
Затопят все мои земные ночи,
Но там воскреснут и моя тоска,
И верные, единственные очи.

1923.

Ты говорила: мы не в ссоре,
Мы стать чужими не могли,
Зачем же между нами море
И города чужой земли?

Но скоро твой печальный голос
Порывом ветра отнесло.
Твое лицо и светлый волос
Забвение заволокло.

И прошлое уничтожая
Своим широким колесом,
Прошел автобус, — и чужая
Страна простерлась за окном.

Обыкновенный иностранец,
Я дельно время провожу:
Я изучаю модный танец,
В кинематограф я хожу.

Летит корабль. Мелькает пена.
Тебя увижу я сейчас.
Но это только сон: измена
Навеки разлучила нас.

1923.

Трамваи стали проходить,
За шторой небо розовеет.
Не надо спящаго будить,
Сегодня мир оцепенеет.

На том конце одним толчком
Земля раскрылась, как могила,
И океаном и огнем
Обломки зданий окатило.

А здесь последней тишины
Никто не слышит — блещут вина,
Жокей мелькает вдоль стены,
За рампой тает балерина.

И ты, красавица, среди
Голубоватого тумана
Танцуешь с розой на груди
Фокстротт под грохот барабана.

В тюрьму, в могилу, в лазарет!
Туда ль исчезло все живое
За эти девять страшных лет.
Иль я мечтая о покое

Свою усталость перенес
На мир, попрежнему счастливый,
Проснувшийся от черных грез
Под легкой музыки мотивы.

1923.

РАЗГОВОР.

— Мне жалко вас. Как изогнулась бровь,
Вы первый раз в такой печали.
Что с Вами? Неудачная любовь?
Иль вы на бирже потеряли?

— О нет. Мои доходы велики,
Жена мила и ценит положенье,
Могу я и законам вопреки
Любому делу дать движенье.

Но мне сегодня в темноте ночной
Приснилась темень гробовая,
И слабое под белой простыней
Стучало сердце не переставая.

— И это все? И я бывал знаком
С такими неприятностями: или
Шалит желудок, или перед сном
Вы порошки принять забыли.

Те оба человека на земле
Еще десяток лет просуетятся.
Душа, и днем и ночью ты во мгле,
К которой им нельзя и приближаться.

1923.

II.

II

В снегу трещат костры. Январь на бивуаке.
Продрогших лошадей испарина долит,
Студеным воздухом окачен Исаакий,
И, муфтой скрыв лицо, прохожая спешит.

В театре холодно. Чтоб угодить Шекспиру,
Актеры трудятся крича и вопия.
И все же сострадать неистовому Лиру
В тяжелых ботиках пришла любовь моя.

Что ей до сквозняков простуженой постройки?
Дыханье частое волненье выдает.
В нетопленом фойе у лимонадной стойки
Дешевые цветы старушка продает.

Нет, слава никогда не может быть забавой,
И как бы я хотел (дерзаешь ли душа?)
Не доморощеной — великолепной славой
Покрыть себя. И пусть красавица, спеша

Спустя столетия по набережной Сены,
Прелестным профилем в под'езде промелькнет,
Чтоб для нее одной актер французской сцены
Читал моих стихов достойный перевод.

1921.

ГАДАНИЕ.

Возле зеркала тяжелого
Деревянный стол стоит.
Ночь. Невеста топит олово,
В чашу пристально глядит.

В чаше тени синеватые,
Пыль от вьюги снеговой,
Вот глаза продолговатые
И башлык над головой.

Милый! Черный снег взвивается,
Пошатнулась у стола.
Уронил ружье, шатается,
Кровь густая потекла.

Скучно зеркалу забытому
Стол и свечку отражать.
Хорошо ему, убитому,
В снежном поле ночевать.

Побледнела, улыбается,
Комната полна луной.
Паровоз перекликается
С новогодней тишиной.

1921.

Бежит собака на ночлег,
И явно с той же целью
В потертом фраке человек
Прошел с виолончелью.

Фонарь скрутился и погас.
Предутренняя пена,
И кто-то: «умоляю вас,
Сыграйте вальс Шопена».

Не ветер расстегнул чехол
И прислонил к решетке,
Не ангел по струнам провел,
Но этот миг короткий

Звенела синяя Нева,
Гудела мостовая,
И даже выросла трава
На линии трамвая.

1922.

Я много проиграл. В прихожей стынут шубы.
Досадно и темно. Мороз и тишина.
Но что за нежные застенчивые губы,
Какая милая неверная жена.

Покатое плечо совсем похолодело,
Не тканью дымчатой прохладу обмануть.
Упорный шелк скрипит. Угадываю тело,
Едва прикрытую вздыхающую грудь.

Пустая комната. Зеленая лампадка.
Из залы голоса — кому-то повезло:
К семерке два туза, четвертая девятка!
И снова тишина. Мятелью замело

Блаженный поцелуй. Глубокий снег синеет,
С винтовкой человек зевает у костра.
Люблю трагедию: беда глухая зреет
И тяжко падает ударом топора.

А в жизни легкая комедия пленяет —
Любовь бесслезная, развязка у ворот.
Фонарь еще горит и тени удлиняет.
И солнце мутное в безмолвии растет.

1921.

Дождю не разбудить усталого солдата,
Он безмятежно спит, к земле щека прижата.

Быть может он бежал из плена, может быть
Стремнину под горой пытался переплыть.

На поле вспаханном его найдет крестьянин,
И только через год, печальной вестью ранен,

Шепчу я: мир тебе, мой утомленный брат.
И слышу — снег идет над склонами Карпат.

Бреду по мостовой, и вдруг звенят копыта
Взбесившихся коней, и тело Ипполита

В мучительных вожжах (о призрак!) по торцам
Влачится, — с пением по низким облакам

Проходит грустный хор над золоченым шпилем,
Над убегающим в туман автомобилем.

1922

Я не люблю, когда любовь немая.
Но Делия, ее смешно винить:
И платье через голову снимая,
Она не перестанет говорить.

Рисунок звезд и крыльев Серафима
Засеребрил морозное стекло.
Закрой глаза: на побережье Крыма
Блеснет волна и белое весло.

«В Алуште жил художник итальянец».
Я слушаю не разбирая слов.
Трещат дрова, на потолке багрянец,
И на камине тиканье часов.

Веселое и легкое свиданье
Какими же стихами опишу.
О Делия, старинное прозванье
В счастливом забытьи произношу.

Любовь одна, и все в любви похоже:
И Дельвиг томно над Невой бродил,
И это имя называл, и тоже
Смотрел в глаза и слов не находил.

1921.

Где тот корабль? Волна бежит вослед.
Где ветер? Прошумел и вот затих.
И небеса, которым дела нет
Ни до меня, ни до стихов моих.

Лежит Нева, а дальше острова.
Слова, слова. Любовь еще жива,
Но вот утолена, и ты скучаешь,
И этих слов ты завтра не узнаешь.

1922.

Опять поля, и длинные туманы,
И в мокром ветре тощий березняк,
В зеленых лужах глинистый большак,
И через речку мостик деревянный.

Среди необычайной тишины
Пронзительные хлюпают подковы.
Замшеные зевают валуны,
Подумай-ка: период ледниковый.

Вот, пролетев из невысокой ржи
Сквозь ветерка небыстрые движенья,
Прилипли к небу камешки — стрижи
Противу всех законов притяженья.

Вот пахарь, уменьшаясь пестепенно,
Вдали как птица поет.
И кляча перешла на небосвод,
А за крутым холмом конец вселенной.

1922.

ПАНТУМ.

Лежат в прозрачном сентябре
Дома и тротуары,
И тихо тает на дворе
Цыганский звон гитары.

Дома и тротуары,
Сиянье в равнодушных днях,
Цыганский звон гитары
О зное, о полях.

Сиянье в равнодушных днях,
Мы разлюбили оба.
О зное, о полях
И о любви до гроба.

Мы разлюбили оба,
Я ухожу, прощай,
И о любви до гроба,
Мой друг не забывай.

Я ухожу, прощай,
Чуть серебрится иней,
Мой друг, не забывай
Любовь и степь и купол синий.

Чуть серебрится иней
И тает на дворе.
Любовь и степь и купол синий
Лежат в прозрачном сентябре.

1923 г.

ДОН - ЖУАН.

Ширится луна сырая,
За шлагбаумом скрип телег,
Крышу рыжего сарая
Придавил тяжелый снег.

У платформы станционной
Двадцать два ломовика.
Привезли трески соленой
С песнями из городка.

Там живет рыбачка Эдит
С милым и простым лицом.
Муж на буэре уедет —
Тень качнется под окном.

Лес гудит, в сосновом доме
Дверь запела. Два часа.
Разметалась на соломе
Темно-рыжая коса.

Скоро у Невы широкой
Плечи Анны целовать,
О рыбачке светлоокой
Благодарно забывать.

Тките медленнее, пряхи,
О любви далеких стран!
В храме, черные монахи,
Был зарезан Дон-Жуан.

Тело опустили в море,
Теплый ветер зашумел,
Странный миф о Командоре
Эту землю облетел.

Мстительное привиденье
Снова жертву стережет,
Сердцу шепчет подозренье,
Нож ревнивцу подает. —

* * *

На сребристом океане
Узкий Ледяной Топор.
На мысу в густом тумане
Снег шипит, трещит костер.

Лосось оплывает мрежи,
Ждет лисицу западня,
Север спит в дохе медвежьей,
Кто-то ходит у огня.

Наклонился, пробуждает
Дремлющего рыбака,
Каменную длань встречает
Сонная его рука.

«Скоро звезды перестанут
Мне дорогу освещать,
Просыпайся, ты обманут...»
— Отвяжись...

«Что-же, спи, сомненье старит,
Сини очи рыбака,
А жена ему подарит
Черноглазого щенка».

— Полно, Эдит не такая! —
И в затылке почесал.
Крепкий воздух рассекая,
Мерзлый парус застучал.

Дует ветер из Севильи
В Ледовитый океан.
Спит любовница в бессильи,
Встал зевая Дон-Жуан.

На стекле заиндевелом
Разрастается заря,
Полумрак над милым телом,
Память сняла якоря,

И любовник вдохновенный
Прямо в прошлое глядит:
На другом конце вселенной
Море теплое шумит —

Там волна его качала
Бездыханного — и вот
Снова жизнь, и все сначала,
И любовь в груди растет.

* * *

«Эдит, ветер завывает,
Эдит, кто-то к нам идет!»
Длань вожатый простирает,
Дверь томительно поет.

Заскрипела половица,
Дышут дегтем сапоги...
— Сударь, стоило трудиться,
Под глазами то круги. —

У кровати два стакана,
— То-то! подчевал вином! —
И, взглянув на Дон-Жуана,
Замахнулся топором.

Прокричал петух трикраты,
Ветер за окном вздохнул,
Дрогнул каменный вожатый,
В белом утре потонул.

Солнцем залилась лачуга,
Брызнул резвый лай собак,
Посмотрели друг на друга.
Усмехается рыбак:

— Вижу, человек столичный.
Эдит, повезло тебе.
Что-же, сударь: дом кирпичный
Не ровня простой избе.

Увози свою голубку! —
Рыжекудрая жена
С пола подбирает юбку,
Плечи рдеют: смущена

Эдит странным приговором,
Мрачен Дон-Жуан... Туман.
Над сияющим Босфором
Прожужжал аэроплан.

Гор расколотое чрево,
Океанов темный вой,
Это бомба в Сараево
Разорвала шар земной.

И в пространства мировые,
В ночь с разодранного дна
Льются чудища морские,
Трещина озарена:

Пропадая под морями,
Роковая полоса
Голубыми огоньками
Дразнит темные леса.

* * *

Не береза ветви клонит —
Душно, не передохнуть—
Саблю выронил и стонет
И хватается за грудь.

Под зелеными ветвями
Дни и ночи перед ним
С изумленными глазами
И похожие на дым.

«О воды, воды, Елена,
Царскосельский соловей.»
Но услышит-ли Елена:
«Умираю, пожалей!»

В белом платье беглой тенью,
Столько лет и до сих пор.
Вот обрызганный сиренью
Металлический забор.

«Душно, уходи, другая —
Ольга, жарко на песке».
Загорелая, босая.
Ропщет море вдалеке.

Мелочь лодок просмоленных,
Парус меньше, чем платок;
Ветер, сосен воспаленных
Сплошь дырявый потолок.

Сколько их? но кто услышит
Из покинутых подруг?
Только ветер тронет крыши
Стройных зданий и лачуг.

* * *

Кто-то рядом пробегает,
И винтовка на весу.
Пламя. Трещина зияет,
Привидение в лесу:

Не отбрасывая тени,
Вдаль протянута рука,
Не сгибаются колени,
Шляпа круглая легка.

К раненому наклонился.
«Кто-ты, не гляди в упор.
Мой клинок переломился,
Падай, падай... Командор..»

Холодно и бело, бело...
Сети мерзлые, весло...
Окровавленное тело
В той лачуге, сквозь стекло.

Кто она? глаза открыла.
Стонет, падает без сил.
— Ты исчез, она грустила
И рыбак ее убил. —

Раненый уже не бредит.
Пламя по небу. Закат.
Мох шуршит. — Бедняжка Эдит,
Только я не виноват.

Но тебя, о Соглядатай,
Вижу я не первый раз.
Изойди огнем, проклятый!
Даже в этот темный час

Не хочу я сожаленья,
Жил-бы только для любви. —
Страшен голос привиденья:
— Мы сочтемся — поживи!

Петербург — Берлин, 1922—1923.

III

III

Быть может оттого, что сердцем я слабею,
Я силюсь дальнее и вечное обнять,
И то немногое чем на земле владею
Мне все труднее сохранять.

Чужая даль немилого ландшафта
Сиянием увы! не просквозит.
Где небо синее и с Палатина вид
На солнце, на историю, на завтра?

О еслиб лишь затем унынье этих дней
И тишины глухой и мирной,
Чтоб дух созрел и чище и верней
Для песни, как земля, обширной.

1925.

Есть в одиночестве такая полоса,
Когда стесняет наконец молчанье,
И мысль жужжит как на стекле оса.
Тогда тебя на расстоянье

Пленяет мир, который утомлял,
И непонятно отчего же?
И все кого ты горько изумлял
Найдут, что ты сейчас и лучше и моложе.

Пускай тебя ревнует тишина —
Ты воротишься к ней с повинной,
И снова счастия единственной причиной
Тебе покажется она.

1925.

Вновь, забываясь до утра,
Ты повстречаешь, о бездомный,
Не легкий профиль Opera,
А в поле ветер злой и темный.

Не правда ли твоим мечтам
Милее зарево и пламя,
Чем эти отблески реклам,
Рассеяные облаками.

Да. Ты отравлен навсегда:
Суровый и к печали жадный
Ты мир спокойный и нарядный
Не можешь видеть без стыда.

1925.

НЕАПОЛЬ.

Звучит canzona napoletana,
Мигнул маяк и вот исчез.
Любовь Изольды и Тристана
Не опечалит таких небес.
На улицах мощеных лавой
Прилежные ослы кричат,
По стенам вьется виноград,
И вам покажутся забавой
И над Везувием дымок
И тот в таверне уголок.
Толкнули стол, ножи схватили
Как будто в опере, — но вот
Убитаго плащем накрыли
И Русинелла слезы льет.

Тяжелым кружевом балкона
Увито каждое окно,
В горбатых улицах темно.
Все удивительней канцона,
И море падает в ответ,
Нарядный берег ударяя.
Прозрачность эта голубая
И Капри острый силуэт
Сродни канцоне. Отчегож

Меня пронизывает дрожь?

Нет, ничему душа не рада —
Блистательные берега
И неба легкая дуга
Придавлены Вратами Ада.
Я слышу как огонь ревет:
Везувий слабо озаренный —
Конечно только дымоход
Той безысходной накаленной
И вечной смерти.
                    Словно тушь
Ночь зачернит глухие зданья,

И будут явственны рыданья
Навеки осужденных душ.

1925.

Все ближе ко мне могила,
Все дальше начало пути.
Как часто душа просила
До срока с земли сойти.

Но бурно она влекома
По черным полям земным,
И вдруг я увидел Рим
И вздрогнул и понял: Roma!

Планета среди городов,
Спасительными лучами
Целил он меня ночами.
И тени его куполов

И сумрак глубоких пробоин
И стебли летучих колонн
Твердили: ты будешь спасен,
Ты будешь как мы спокоен.

Какой то прозрачный дым,
Которому нет названья,
Такие давал очертанья
Печальным мечтам моим, —

Что мир неожиданно светел
Раскрылся душе моей,
И в мире тебя я встретил.
На дне твоих очей

Отныне моя свобода,
И к дальней и вечной стране
Не надо искать перехода,
Когда неземное во мне.

1926.

КАНЦОНЫ.

I.

Итальянец который слагал
Эту музыку, эту канцону, —
Ты должно быть о смерти мечтал:
Я узнал по минорному тону
Черный вечер и мрачный канал.

Нет, канцоны значенье двойное,
Звук светлеет — в ликующем строе
Брежжут: гондола в лунном столбе
И сиянье, которое двое
Как один заключают в себе.

II.

Я так мечтал о перерыве,
Но мчится время все скорей.
Лишь ты, любовь моя, ленивей
Летящих дней.

Волны не видно из за льдины,
Плывущей медленно ребром.
Неясны вещи за стеклом
Ночной витрины:

И времени поспешный страх
Преображен в твоем сияньи
Как пыль обоза в облаках
Кампаньи.

III.

О жизни увы! жестокой,
Как никогда в веках,
Я думал в ночи глубокой.
И ты в моих руках

Протяжно застонала,
Как будто в царстве сна,
Печальная весна,
Мой холод ты узнала.

IV.

Уже в корзины жестяные
Метельщик собирает сор.
Слабеют огоньки цветные
И неба ширится простор.

Сегодня в этом переходе
К сиянию — ночных теней
Есть что-то чувственное вроде
Улыбки, милая, твоей!

Как будто в сумрака сожженье
Над очень бледной мостовой
Твоих очей изнеможенье
Вмешалось дивной синевой.

V.

На солнце сквозь опущенные веки
Просвечивает розовая кровь.
К печали сердце приготовь,
Я полюбил тебя навеки.

И если мир исчезнет для меня,
Твоими летними очами
Я заменю и море с парусами
И небо из лазури и огня.

Какой то трепет еле уследимый
Ты миру и сейчас передаешь
И даже воздух на тебя похож —
Такой же светлый и необходимый.

VI.

В молчанье возглас петуха —
Сквозь тягостную ночь
Заря — подальше от греха —
Мне в темноте не в мочь.

Душе на волю хочется
Ночами — что ж пора?
Душа безплодно мечется
Как за стеной ветра.

Светает — проблески в окне,
И, бледный ангел мой,
Услышав утро над собой,
Ты улыбаешься во сне.

VII.

Светает. Солнце озарило
Видения души моей,
Но все что в сумраке пленило
Не стало меньше и бедней.

В час утренний и до рассвета
Почти нездешней тишиной
Впервые жизнь моя одета.
Ты и незримая со мной —

Не тень томящая ночами,
Не ослепляющий кумир, —
Живая, бледная, с очами
Печальными как Божий мир.

1925 — 1926.

...А все же мы не все ожесточились
И нам под тяжестью недавних лет
Нельзя дышать и чувствовать, не силясь
Такую муку вынести на свет.

Но где же свет? Над нами, рядом с нами
И в нас самих мерцает он порой —
Не этот погасающий ночами,
А тот незримый, не вполне земной.

Крепись душа! И я почти смиренно
Как друг сопровождаю жизнь мою,
И вдруг забрезжит: и в иной вселенной
Себя я без испуга застаю.

Тогда то изнутри слова и вещи
Я вижу и тогда понятно мне,
Что в мир несовершенный и зловещий
Мы брошены не по своей вине.

И слышу я с отрадой лишь оттуда
Слова проклятий у глухой стены,
Которой мы — зачем? — отделены
От близкого, от истинного чуда.

1926.

ЛЮБОВЬ.

Мой друг, подумай: за стеной
Должно быть холод ледяной,
И стынут руки на соломе,
И кашель ветром отнесло,
И люстра блещет тяжело
За шторами в публичном доме.

Мой друг, неправда ли, тюрьма —
Ея засовы и решетки —
Прочнее счастья.
Без ума,
Как алкоголик после водки,
Влюбляясь где то мы парим
И нежность нас оберегает,

Но мир дыханием своим
Непрочный полог раз'едает.

Как редко побеждаем мы,
Как горько плачем уступая,
Но яд — сильнее сулемы —
От исчезающего рая
Не оставляет и следа.

И только — если череда
Блаженно-смутных обольщений
Истает дымом, — лишь тогда,
Лишь в холоде опустошений,
Лишь там где ничего не жаль
Забрезжит нам любовь иная,
Венцом из света окружая
Земли просторную печаль.

1926.

Не диво — радио: над океаном
Безшумно пробегающий паук;
Не диво — город: под аэропланом
Распластаные крыши; только стук,

Стук сердца нашего обыкновенный,
Жизнь сердца без начала, без конца —
Единственное чудо во вселенной,
Единственно достойное Творца.

Как хорошо, что в мире мы как дома
Не у себя, а у Него в гостях;
Что жизнь неуловима, невесома,
Таинственна как музыка впотьмах.

Как хорошо, что нашими руками
Мы строим только годное на слом.
Как хорошо, что мы не знаем сами
И никогда быть может не поймем

Того, что отражает жизнь земная,
Что выше упоения и мук,
О чем лишь сердца непонятный стук
Рассказывает нам, не уставая.

1926

Душа моя, и в небе ты едва ли
Забудешь о волненіях земных,
Как будто ты хранилище печали
Моей и современников моих.

Но, знаешь, я уверился (в дыму
Страстей и бедствий проходящих мимо)
Что мы не помогаем никому
Печалью временами нестерпимой.

1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

II